

С.Я. СУЩИЙ

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА XIX – НАЧАЛА XX в.: СОЦИОДИНАМИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПИСАТЕЛЬСКОГО СООБЩЕСТВА

СУЩИЙ Сергей Яковлевич – доктор философских наук, главный научный сотрудник ФИЦ Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону, Россия (SS7707@mail.ru).

Аннотация. В статье исследуются количественная и пространственная динамика, социально-сословная структура, творческая специализация, национальная и гендерная структура представителей русской литературы XIX – начала XX в. В качестве эмпирической базы исследования использовались биографические словари русских писателей данного периода, заключающие около 2,5 тыс. персоналий. Исследование позволило установить, что в социально-сословном отношении писательское сообщество оставалось преимущественно дворянским до конца имперского периода. Но среди авторов-дебютантов выходцы из дворянской среды были в меньшинстве уже с 1880-х гг. Ведущими литературными специализациями русских авторов являлись проза, поэзия, переводы и публицистика. Но их соотношение существенно варьировало в пределах анализируемого периода. Наряду с русскими, составлявшими абсолютное большинство, крупными группами (по 3–7%) в писательском сообществе были представлены немцы, поляки, украинцы. В последней трети XIX в. в литературной среде появляется и стремительно растет группа авторов еврейского происхождения. В целом, на протяжении анализируемого периода значительно выросло количество авторов, увеличилось социально-сословное и этническое разнообразие; ощутимо расширилась география деятельных очагов. Центральную роль в этих сдвигах сыграли социально-экономические и социокультурные реформы последней трети XIX в., демократизация общественной жизни и становление массовой школы.

Ключевые слова: русская литература • писательское сообщество • социальные характеристики • социальная динамика • творческие специализации

DOI: 10.31857/S013216250008500-3

Постановка исследовательской задачи. Социологическая наука начинает проявлять интерес к русской литературе еще в XIX в. [Рубакин, 1895]. Значительно возрастает число работ, посвященных различным аспектам отечественного литературного процесса и книжного дела в первые послереволюционные десятилетия [Гриц, 1928; Куфаев, 1927; Муратов, 1931]. Однако в качестве самостоятельного научного направления исследования в области исторической социодинамики русской литературы начинают оформляться уже в 1970–1980-е гг. В поисковое поле социологов включаются все новые аспекты функционирования отечественного литературного процесса.

Внимание специалистов привлекает широкий круг проблем, связанных с особенностями возникновения, количественного роста и дифференциации читательской аудитории [Рейтблат, 1992; Севастьянов, 1983]; сложное взаимодействие элитной и массовой литературы [Рейтблат, 2001]; изменчивое соотношение литературного процесса, общества, власти; механизмы взаимодействия между различными структурными компонентами литературы как самостоятельного социального института [Гудков, Дубин, 1996]; причины и формы трансформации иерархии литературных авторитетов [Берг, 2000].

Несмотря на обширный спектр историко-социологических исследований, многие значимые аспекты функционирования русской литературы все еще нуждаются в детальном изучении. «Недостаточно исследованы не только взаимосвязи между различными элементами литературы (писателями и издателями, писателями и читателями, критикой и читателями, цензурой и издателями и т.п.), но и сами эти элементы. Точнее, каждый из них изучен очень выборочно, когда одним аспектам и проблемам посвящены десятки работ, а о других, весьма важных..., нет практически ни одной» [Рейтблат, 2001: 10].

Социальный состав представителей русской литературы в значительной степени задавался комплексом «внешних» по отношению к литературному процессу факторов, в том числе особенностями социально-политического развития страны, уровнем ее демократизации и социокультурного развития, пространственной и социальной широтой системы образования и т.п. По мере развития России менялось и «лицо» ее писательского сообщества. Но существовала и обратная связь. Люди разного социального происхождения, уровня образования и культурного кругозора, национальной принадлежности и связанной с ней этнокультурной традиции, оказавшись «внутри» литературного процесса, со своей стороны оказывали на него влияние, в ряду других факторов определяя тематические и жанровые предпочтения, стилистические особенности и иные черты русской словесности своего времени.

Таким образом, изучение динамики основных социальных характеристик профессионального писательского сообщества позволяет проявить особенности функционирования русской литературы как сложного социокультурного процесса, взаимоувязанного с динамикой социальных институтов всего общества.

Число исследований, посвященных такому анализу невелико. На обширном социологическом материале построена работа А.Н. Севастьянова [Севастьянов, 1984]. Однако время ее создания предопределило концентрацию авторского интереса на социально-сословных аспектах происхождения и социального маршрута представителей писательского сообщества. Другие значимые характеристики оказались вне рамок исследования, в том числе творческие специализации литераторов, региональное происхождение, гендерная и национальная структура. К тому же данная публикация, ограничиваясь последней третью XVIII в., не рассматривала последующий более чем вековой период его дореволюционного развития.

Целью статьи является анализ особенностей социально-сословной (а также пространственной, гендерной, этнонациональной, жанровой) динамики профессиональной среды русской литературы в XIX – начале XX в. Очевидно, что в одной публикации детально исследовать все аспекты столь обширной и многоплановой темы невозможно. И главной задачей видится анализ основных особенностей социодинамики писательского сообщества России, выявление корреляций между векторами его трансформации и развитием всего общества данного времени.

Одной из центральных проблем историко-социологических исследований литературного процесса является поиск репрезентативного источника информации [Рейтблат, 2001: 10]. В качестве комплексной статистической базы изучения писательского сообщества XIX – начала XX в. представляется возможным использовать биографические словари русской литературы данного периода. Наиболее фундаментальные являются результатом работы специалистов, собирающих и сводящих воедино огромный массив информации, позволяющей анализировать значительное число социальных параметров. Для авторов устанавливается место (центр, регион) рождения, социальное происхождение, место и время получения образования (как среднего, так и высшего при его наличии), время дебюта и общий период литературной деятельности, творческая (жанровая) специализация, центр (центры) профессиональной деятельности.

Словари различаются широтой охвата деятелей литературы. Издания, заключающие 300–400 персоналий, фиксируют авторский круг более широкий, чем элитный, но заметно меньше профессионального (условно его можно определить как слой «известных» литераторов). В качестве издания, позволяющего анализировать данную творческую прослойку,

использован двухтомный словарь русских писателей XIX в. [Русские писатели..., 1996], дополненный литераторами начала XX в. из энциклопедического справочника «Мир русской культуры» [Мир..., 1996] (общая выборка заключала порядка 350 авторов).

Для комплексного анализа всего профессионального сообщества использовался энциклопедический словарь «Русские писатели. 1800–1917 гг.» [Русские писатели..., 1989]. Данное издание, начатое в конце советского периода, до сих пор не завершено (выпущено 5 из 7 томов). Однако опубликованная часть (словарь доведен практически до конца буквы «С») включает более 2400 авторских статей – 75–80% от запланированного объема, тем самым представляя вполне репрезентативную выборку авторов. В таком количественном объеме речь идет о самом широком профессиональном круге русской литературы, захватывающем и наиболее активных литераторов-дилетантов, публиковавшихся в это время в России.

Кроме того, определена элитная группа русского писательского сообщества. В нее отобраны литераторы наиболее крупных биографических статей из пятитомного словаря [Русские писатели..., 1989]¹. Очевидно, что данный критерий отбора является формальным. Но следует учесть, что составление подобной выборки (как и попытка зафиксировать группу «центральных» деятелей любой другой сферы культуры) с большой вероятностью будет иметь число решений, равное числу составителей. Однако все подобные выборки будут совпадать по персональному составу на 2/3–3/4 (причем в ядерной группе совмещение будет практически полным).

В результате отбора в элитный круг литературы XIX – начала XX в. включено 92 автора, игравших основную роль в развитии отечественной словесности. Для каждого периода в 25–30 лет такой центральный круг мог заключать несколько десятков литераторов.

Основные количественные характеристики и география писательского сообщества.

В петровское столетие русская литература прошла значительный путь развития и к рубежу XIX в. подошла в качестве творческой практики, достаточно широко распространенной среди части привилегированных сословий (прежде всего дворян) [Севастьянов, 1983: 75–78]. Появились первые художественные журналы и общественные библиотеки, сложилась в общем виде производственная цепочка литературно-книжного процесса (создание литературных текстов, издание, распространение, потребление и аккумуляция книг).

И тем не менее завершение процесса становления русской литературы в качестве самостоятельного социокультурного института потребовало еще ряда десятилетий, занявших всю первую треть XIX в. В 1810–1840-х гг. русская литература окончательно трансформировалась из любительского занятия привилегированных сословий, развлечения в часы досуга в профессиональную деятельность, основной источник средств к существованию значительной части ее авторов [Рейтблат, 2001: 8–9].

Инфраструктура книжного дела, к началу XIX в. включавшая минимальное число учреждений (журналов, библиотек, книжных лавок и магазинов), сосредоточенных в основном в двух имперских столицах, во второй четверти данного века заметно расширилась и охватила значительное число губернских и некоторых других центров.

Выросло и само творческое сообщество. Хотя в количественном отношении переломным для российского авторского сообщества стал более ранний период – последняя треть XVIII в., когда, по замечанию А.Н. Севастьянова, в России одновременно появляются массовый читатель и массовый писатель [Севастьянов, 1984: 67]. Конечно, данная массовость была весьма относительной². И тем не менее в течение 1760–1770-х гг. число русских литераторов вырастает многократно. Севастьянов фиксирует 1264 автора, публиковавшихся в период 1758–1800 гг. Если вычесть из этого множества авторов разовых или

¹ Размеры статей по которым составляли четыре и более страниц в 1–3-м томах издания, пять и более страниц в 4–5-м томах. Данная поправка была сделана потому, что в последних двух изданных томах средний размер статей несколько вырос.

² Число регулярных читателей в России к началу XIX в., по расчетам А.Н. Севастьянова, насчитывало порядка 12–13 тыс. человек [Севастьянов, 1984: 31].

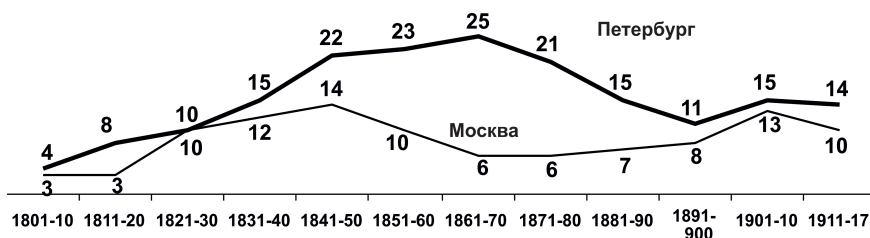

Рис. 1. Ведущие авторы (литературная элита), творческая деятельность которых протекала в столицах (чел.)

спорадических публикаций, профессиональный круг русской словесности в конце XVIII в. заключал порядка 300–400 литераторов.

На протяжении XIX в. это творческое сообщество продолжало неуклонно расти. Из авторов, учтенных словарем «Русские писатели. 1800–1917», в 1830-е гг. работало около 550 человек, в середине века 700–800, в конце – около 900 (с учетом неизданных томов цифры необходимо увеличить примерно на четверть). В данном отношении отечественная словесность заметно превосходила французскую литературу, авторский профессиональный круг которой, по расчетам К. Шарля, в конце XIX в. насчитывал чуть больше 700 литераторов [Шарль, 1993: 73]³.

Крупнейшими средоточиями литературной жизни России на всем протяжении анализируемого периода являлись две столицы. Здесь располагались основные издательские и типографские мощности, выпускалась самая значительная часть художественной периодики (в том числе все известные издания). На Петербург и Москву приходилось и 3/4 высших учебных заведений.

Очевидна корреляция между уровнем элитарности и пространственной широтой жизнедеятельности различных слоев русского писательского сообщества. Элита вплоть до конца имперского периода в самой значительной степени тяготела к столицам⁴. Некоторые авторы полностью или преимущественно связывали себя с одной из них, другие на разных этапах жизни отдавали предпочтение Петербургу или Москве.

При этом элитный литературный круг северной столицы был куда более многочисленным. Цвет русской словесности тяготел к административно-политическому центру империи, хотя в отдельные десятилетия (например, в 1830–1840-е гг.) Москва почти вырастала из роли второго номера. Но только к концу XIX в. доминанта Петербурга становится менее ощутимой (рис. 1), а в начале XX в. талантливая литературная молодежь распределяется между столицами в равной степени.

Со столицами была связана жизнедеятельность и более широкого творческого круга («известные авторы»). Из 346 его представителей коренными москвичами было 98 человек, петербуржцами – 52. Первопрестольная почти вдвое опережала новую столицу по числу талантливых уроженцев в области литературы. В целом, более 43% известных русских писателей XIX – начала XX в. были коренными жителями столиц, что многократно превосходило долю последних в населении империи или ее великорусской части⁵.

³ Хотя, принимая во внимание разность расчетных методик, прямое сопоставление размера профессиональных кругов двух национальных литератур едва ли можно считать полностью корректным.

⁴ Что, конечно, не исключало длительных отлучек из столиц в связи с поездками по стране или, к примеру, временным проживанием в своем имении.

⁵ Столь высокий удельный вес столичных уроженцев подтверждал значимую роль социокультурной среды в развитии и реализации литературного таланта (как и любой другой творческой способности). В обратном случае остается предположить, что столичные жители были от природы значительно более даровиты, нежели население российской провинции.

Еще больше (почти 3/4) авторов данного круга получили в столицах образование. В качестве образовательной «кузницы» Петербург несколько превосходил Москву (их учебные заведения окончили соответственно 132 и 122 автора). Но соотношение столиц серьезно варьировало по периодам (рис. 2). Максимально высокой была концентрация в столицах известных авторов и в период творческой деятельности. Большинство (как и представители литературной элиты) если не полностью, то хотя бы заметную часть своей профессиональной жизни провело в одной из столиц (нередко попеременно в обеих).

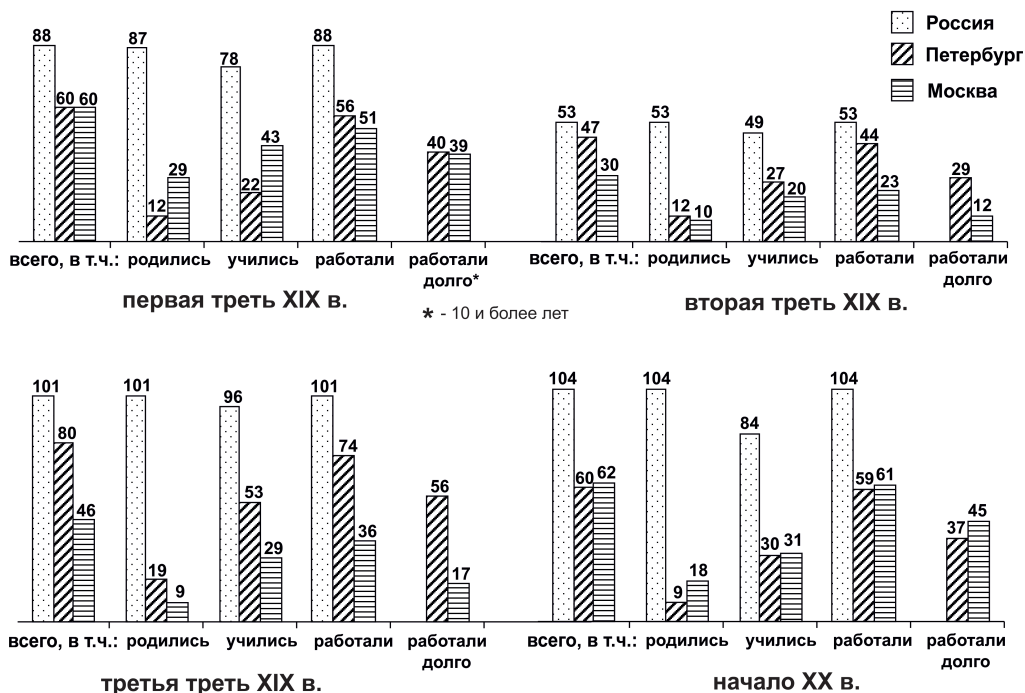

Рис. 2. Известные авторы, связанные со столицами в разные периоды XIX – начала XX в. (чел.)

При этом динамическое соотношение двух центров было почти таким же, как и в сфере образования. Первоначальное равенство в середине–второй половине века сменилось превосходством Петербурга, чтобы в начале XX в. вернуться к равновесному состоянию. Впрочем, география данной творческой прослойки с середины XIX в. заключала возраставшее число других городов империи, из которых, прежде всего, выделялись университетские и крупные социокультурные центры. Хотя по числу известных литераторов даже они уступали столицам на порядок (рис. 3). Но показательно, что 24 из 84 (28,6%) известных русских автора начала XX в. получили образование уже в провинции (для различных периодов XIX в. этот показатель составлял 4–17%).

География круга профессиональных авторов была значительно шире, чем у элиты и прослойки известных литераторов, особенно в последние 40–50 лет имперского периода. Не только вследствие многочисленности «средних» профессионалов. Имело значение то, что часть таких авторов столицы притягивали к себе с меньшей силой. Ряд провинциальных центров уже во второй четверти XIX в. по уровню развития социокультурной среды (как и типографско-издательской инфраструктуры) являлся вполне приемлемым местом для проживания и творческой работы.

Рис. 3. Известные литераторы XIX – начала XX в., получившие образование и/или работавшие в различных центрах империи (чел.)

Харьков, Казань, Киев, Одесса, Ярославль, Кострома, Владимир, Смоленск, Воронеж, Рязань, Тула, Саратов, Оренбург, Иркутск – далеко не полный перечень центров, включившихся в литературный процесс уже в 1820–1830-е гг. К этому же времени относится расцвет «усадебной» литературы. Значительное число профессиональных авторов первой половины – середины XIX в. так или иначе было связано с дворянскими имениями, география которых охватывала не только окрестности столиц или территорию великорусского центра, но и губернии Среднего и Нижнего Поволжья, малороссийские и белорусские земли, Урал и Западную Сибирь.

Еще быстрее число деятельных центров русской литературы пошло в рост в пореформенный период. Ускоренное развитие провинциальной периодики и инфраструктуры книжного дела быстро увеличивало читательскую аудиторию; формировало и расширяло социальную среду, благоприятную для появления и деятельности профессиональных авторов. Не меньшее значение имело становление все более широкого и социально доступного начального, среднего и технического (ремесленного) образования. К концу XIX – началу XX в. профессиональные литераторы подвизались практически во всех губернских и некотором числе уездных центров.

Социальный состав. Почти половина авторов последней трети XVIII в. по происхождению дворяне, а с учетом выслуживших дворянство (приобретенный социальный статус) к данному сословию принадлежало уже 2/3 литераторов этого времени [Севастьянов, 1984: 67–68].

Первая половина XIX в. продолжила период доминирования дворян в отечественной словесности. Порядка 65–70% авторов-дебютантов, вступивших в русскую литературу в 1800–1830-е гг., – урожденные дворяне. Из других социальных слоев и групп выделялось участием в литературной работе духовенство, из которого выходил каждый 6–7-й русский писатель первой трети XIX в. (табл. 1, рис. 4).

Таблица 1

Социально-сословное происхождение литераторов XIX – начала XX в. (чел.)

Период дебюта	Дворяне	Духовенство	Разночинцы	Купцы	Мещане	Крестьяне и казаки	Пр, Км*	Остальные	Всего
1781–1800	57	12	5	6	2	1	1		84
1801–1810	60	11	5	3	1	1	3	2	86
1811–1820	95	26	11	5	2	4	1	1	145
1821–1830	133	14	23	9	4	11			194
1831–1840	129	20	37	9	8	6	7	2	218
1841–1850	135	13	22	7	15	10	4	3	209
1851–1860	113	18	24	11	9	14	4		193
1861–1870	161	26	42	8	6	10	6		259
1871–1880	105	15	33	16	14	12	9	3	207
1881–1890	102	12	45	16	12	18	7		212
1891–1900	86	11	65	18	13	37	6	10	246
1901–1910	73	10	53	14	29	25	19	7	230
1911–1917	34	7	44	4	11	16	6	6	128
Всего	1283	195	409	126	126	165	73	34	2411

Примечание. *Пр, Км – промышленники, коммерсанты.

Источник: табл. 1–3, рис. выполнены на основе авторских расчетов по материалам: [Русские писатели..., 1989–2007].

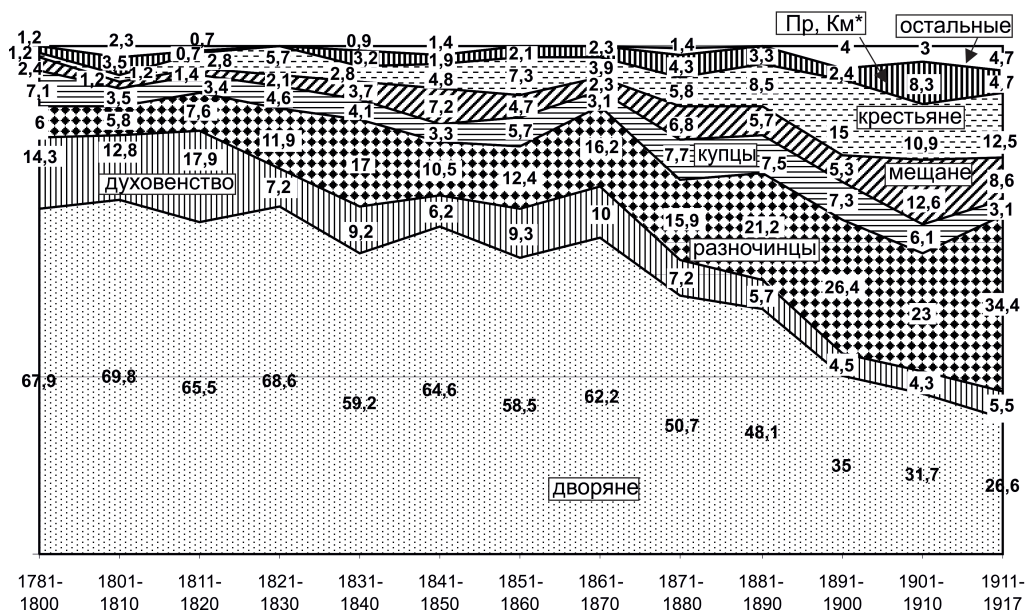

Рис. 4. Социально-сословный состав авторов-дебютантов (профессиональный круг, в %)

Становились профессиональными литераторами и отдельные выходцы из купеческой среды, мещан и крестьянства, а также из такой многосоставной межсословной социальной группы, как разночинцы. В сумме на представителей всех этих групп приходилось порядка 20% авторов, дебютировавших в первые десятилетия XIX в.

В дальнейшем представительство «недворян» росло, но в целом социальный состав писательского сообщества менялся медленно. И сложно определить точные сроки завершения в отечественной словесности дворянского периода. Даже в пореформенные 1860-е гг., связанные с резким ускорением социально-экономической и социокультурной динамики России, среди авторов-дебютантов дворяне составляли более 60%. Только в 1880-е гг. этот показатель опускается ниже 50%. Но вплоть до 1910-х гг. дворяне «делегируют» в русскую литературу больше представителей, чем любое другое сословие. А с учетом авторов, выслуживших дворянство, можно констатировать, что в социальном плане русская литература до конца имперского периода оставалась дворянской.

Но и другие сословия постепенно закреплялись в отечественной словесности, увеличивая представительство в ее авторском сообществе (теряло позиции только духовенство). Быстрее остальных освоились в русской литературе разночинцы. Уже с 1820-х гг. выходцы из этой социальной прослойки становятся второй по численности группой авторов-дебютантов, оттеснив с этой позиции представителей духовенства. Несколько последующих десятилетий на разночинцев приходилось 12–17% авторских дебютов в русской литературе, а с 1880-х гг. – больше 20%. На самом излете империи (1910-е гг.) литераторам-дебютантам из разночинцев удастся количественно превзойти дворян.

Ограниченное участие в литературном процессе принимало купечество. Доля авторов, выходцев из этого сословия, на протяжении большей части XIX в. составляла 3–5%, увеличившись в его конце. А в начале XX в. весомо включаются в литературную жизнь выходцы из капиталистической прослойки российского общества (дети промышленников и коммерсантов).

Поступательно росло в русской литературе число крестьян, доля которых среди авторов-дебютантов поднялась за столетний период с 1–2% до 11–15%. Не столь линейно, но выросло в писательском сообществе и присутствие авторов из мещан. В 1890–1910-е гг. на данные два сословия приходилось уже 20–23% всех авторских дебютов (против 2,5–4% в начале XIX в.). На этот же период (конец XIX – начало XX в.) приходится и устойчивое появление в профессиональном авторском сообществе выходцев из рабочей среды.

Стремительный рост участия представителей низовых сословий российского общества в профессиональной литературной деятельности в конце имперского периода в первую очередь связан с развитием образования. Увеличение прослойки грамотного населения существенно расширяет социальную структуру русского писательского сообщества: из преимущественно дворянского оно трансформируется в общесословное. Хотя удельный вес отдельных социальных групп в населении страны мало соответствовал их доле в представительстве в отечественной литературе. На дворян и разночинцев (3–4% населения) в начале XX в. все еще приходилось порядка 60% профессиональных литераторов.

Впрочем, столь высокий показатель был «остаточным» явлением, связанным с повышенным присутствием дворян в старших авторских поколениях. Даже при сохранении существующего политического строя в 1920–1930-е гг. они уступили бы первую позицию авторам-разночинцам. А в пределах самого круга литераторов-дворян почти столь же быстро идет на убыль доля представителей аристократической старинной знати, на которую в начале XIX в. приходилось почти четверть дворян, дебютировавших на литературном поприще. В дальнейшем данный показатель колебался в широком диапазоне (10–20%) и стремительно пошел вниз в начале XX в. (5,9% в 1910–1917 гг.) – еще одно свидетельство быстрой социальной демократизации писательского сообщества.

Иллюстрацией этого процесса являлось и более активное включение в литературную жизнь женщин. Профессиональный круг русской литературы XIX в. – это прежде всего сообщество мужчин. Доля женщин среди авторов-дебютантов в первой его трети – 6–9%.

В 1850–1860-е гг. этот показатель вырос до 15–16%, но в конце века снова заметно «просел» (сказалась общественно-политическая реакция 1880–1890-х гг.) и пошел в рост только в самом конце имперского периода, достигнув в 1910–1917 гг. почти 17%.

Творческая специализация авторов. Динамика русских авторов по литературным жанрам и специализациям обнаруживает множественные связи между выбором направления творческой самореализации и социокультурной атмосферой в обществе, его основными духовными, а также общественно-политическими поисками и предпочтениями.

В последней трети XVIII в. (период европейского сентиментализма) ведущей специализацией в русском литературном сообществе являлась поэзия, которую выбирала почти треть дебютировавших в это время авторов. Второй по популярности была переводческая деятельность (21,7% дебютантов) – молодая русская словесность стремительно осваивала как обширное наследие, так и новинки европейской литературы. Проза по своей привлекательности для начинающих авторов была третьей (15,5%).

Начало XIX в., совпавшее с расцветом русского романтизма, сохраняет соотношение ведущих специализаций. Предпочтение поэтического искусства у литературных дебютантов остается ощутимым на протяжении всей первой трети века. Вторая позиция остается за переводом, но уже в 1810-е гг. число начинающих переводчиков и прозаиков сравнялось.

Однако настоящий перелом в соотношении ведущих жанров русской словесности пришелся на конец 1820-х – 1830-е гг. и связан с процессом быстрой коммерциализации и профессионализации литературного творчества. Ведущая роль в литературе переходит от поэзии к прозе, от поэмы к роману [Рейтблат 2001: 10]. Новый тренд находит отражение и в жанровом распределении авторов-дебютантов – в 1830-е гг. они делятся между прозой и поэзией в равной степени (табл. 2, рис. 5).

Таблица 2

Творческо-жанровая специализация литераторов XIX – начала XX в. (чел.)

Период дебюта	Проза	Поэзия	Драма	Перевод	Публицистика	Критика	Мемуары	Журналистика	Остальное	Всего
1781–1800	25	50	13	33	12	6	15	7		161
1801–1810	20	46	12	30	9	10	6	8	2	143
1811–1820	47	75	13	47	10	21	25	14	11	263
1821–1830	52	104	14	39	13	28	35	21	18	324
1831–1840	97	96	25	45	27	24	22	21	18	375
1841–1850	90	60	23	26	44	32	29	23	20	347
1851–1860	82	35	21	35	60	37	18	20	22	330
1861–1870	119	49	35	44	87	42	24	40	24	464
1871–1880	99	48	28	22	55	31	26	34	26	369
1881–1890	122	59	39	31	57	38	22	42	15	425
1891–1900	121	96	38	47	52	59	22	35	15	485
1901–1910	125	129	40	32	26	69	9	27	12	469
1911–1917	52	109	10	21	9	25	4	5	2	237
Всего	1051	956	311	452	461	422	257	297	185	4392

А в 1840-е гг. перевес прозаиков становится уже полуторакартным в полном соответствии с доминирующим вектором развития русской (и всей европейской) литературы, в которой ведущим литературным направлением на несколько десятилетий становится реализм, ориентированный на точное воспроизведение действительности в ее типичных и наиболее характерных проявлениях. Для решения этой творческой задачи проза подходила куда лучше, чем поэзия.

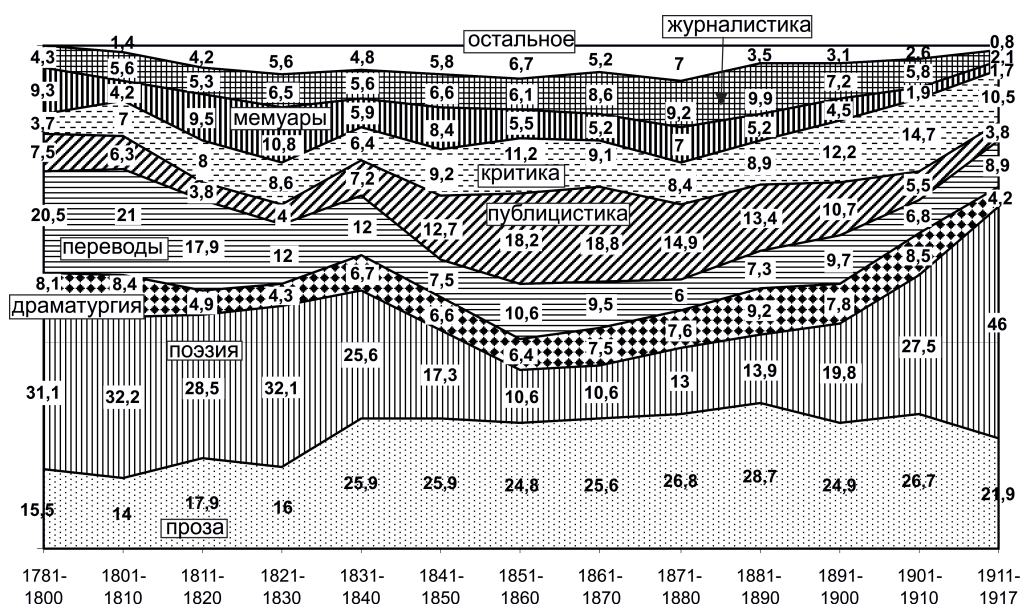

Рис. 5. Творческие специализации авторов-дебютантов (профессиональный круг, в %)

Превосходство «прозаического» начала над поэтическим ощутимо на протяжении полувека, достигнув максимума в 1850–1870-е гг., когда поэзия среди авторских дебютов оказалась даже не второй, но третьей специализацией, уступив вторую позицию публицистике. Периферийная ветвь литературного творчества первой трети XIX в. к середине его становится одним из центральных направлений русской словесности. В.Г. Белинский, А.И. Герцен, Н.А. Добролюбов, Д.И. Писарев, Н.Г. Чернышевский – только крупнейшие представители (и одновременно «знаковые» фигуры) в череде сменяющихся творческих поколений отечественной публицистики. Они читаемы наравне с самыми популярными беллетристами своего времени, а в отсутствие развитой партийно-политической жизни становятся лидерами общественной мысли России, авторитет которых необычайно высок.

Неудивительно, что почти каждый пятый литературный дебютант в середине века выбирал для профессиональной самореализации публицистику. Но и представители других творческих специализаций в 1850–1880-х гг. обращаются к ней куда чаще, чем их предшественники. Едва ли можно найти крупного русского писателя этого времени, который не отдал бы ей дань. Н.А. Некрасов и М.Е. Салтыков-Щедрин, И.С. Тургенев и Ф.М. Достоевский, Н.С. Лесков, И.А. Гончаров и т.д.

«Прозаическо-публицистические» предпочтения русского культурного общества, существенно ограничивавшие приток новых авторов в поэзию, начинают слабеть только в конце XIX в. (еще в 1880-е гг. число вошедших в русскую литературу публицистов и поэтов сопоставимо). В начале XX в. популярность публицистики продолжает стремительно сокращаться. В 1910–1917 гг. менее 4% начинающих авторов отдавали предпочтение этому направлению, на порядок меньше, чем поэзии.

Как и в середине XIX в., смена доминирующего вектора развития литературного процесса становится едва ли не основной причиной кардинальных перемен в структуре творческих специализаций отечественного писательского сообщества. Расцвет символизма в Европе (1880–1890-е гг.) «разворачивает» общество, литературную среду и начинающих авторов к лирике [Шарль, 1993: 81]. С небольшим отставанием данная трансформация происходит и в России. Для русской литературы переломными становятся последние 10–15 лет императорской России, ставшие Серебряным веком русской поэзии. Почти

половина дебютировавших в 1910–1917 гг. авторов – поэты, доля начинающих прозаиков в эти годы сократилась до 22%.

Но перечисленные выше подвижки баланса жанровых предпочтений русских литераторов имели непосредственное отношение и к результатам (достижениям) отечественной словесности. Едва ли можно считать случайным мощный расцвет русской прозы в 1840–1880-е гг. (период ее лидерства в литературном процессе), когда одновременно и сменяя друг друга работают почти все выдающиеся отечественные писатели, поднявшие литературу на мировой уровень. Показательно и то, что предреволюционные годы, период очевидной доминанты поэзии, становятся ее творческим бенефисом, существенным образом расширившим пантеон выдающихся русских лириков.

Интересным для понимания динамики социокультурных предпочтений русского общества является изменчивое соотношение публицистики и литературной критики (ее представители на диаграммах представлены совместно с литературоведами)⁶. В первой трети XIX в. жанр критики выглядит предпочтительней для молодых авторов. Интерес к ней остается стабильным и в дальнейшем (9–10% дебютов по отдельным десятилетиям), хотя уже заметно уступает публицистике. И только на исходе века, когда основное русло отечественной литературы вновь начинает разворачивать в область «чистого» искусства, внимание творческой молодежи возвращается к жанру художественной критики, которая по своей востребованности становится третьей специализацией среди начинающих авторов.

Более устойчивой среди специализаций русских литераторов XIX – начала XX в. была позиция драматургии, которую на протяжении всего этого периода выбирали 7–9% авторов-дебютантов. Столько же с середины XIX в. приходилось и на переводческую деятельность, которая по мере быстрого творческого роста отечественной словесности с позиции ведущих специализаций отступила на полупериферию литературного процесса. Небольшая часть русских авторов в своей деятельности отдавала дань журналистике, популярность которой среди литераторов выросла с 4–6% в первой трети века до 9–10% в 1870–1890-е гг., чтобы снова сократиться в самом конце имперского периода.

Самостоятельный аспект данной темы – жанровые предпочтения литераторов, представлявших различные сословия и социальные группы русского общества. Анализ их творческих предпочтений выполнен для авторов-дебютантов 1810-х, 1840-х, 1870-х и 1900-х гг.

Для начала века (1810-е гг.) достаточно репрезентативными оказались данные только по выходцам из дворян и духовенства, в определенной мере – по разночинцам, поскольку остальные социальные группы среди литераторов-дебютантов представлены отдельными авторами. Творческие предпочтения начинающих литераторов из дворян и духовенства отчасти совпадали (доминирующая специализация – поэзия). Но имелись и существенные различия: если среди дворян также популярны проза, перевод и мемуары⁷, то литераторы, вышедшие из духовного сословия, наравне с поэзией предпочитали критику, а число переводчиков среди них совпадало с числом пишущих религиозные произведения.

Для середины века (1840-е гг.) репрезентативными можно считать данные по авторам из дворян, разночинцев, мещан и духовенства. Прозаиков среди дебютантов всех сословий уже было больше, чем поэтов. Наиболее ощутимым этот перевес оказался у авторов-мещан и литераторов из духовенства. При этом более половины последних отдавали предпочтение публицистике, которая, впрочем, в это время являлась популярной творческой специализацией и у авторов почти всех остальных социальных групп. Удивительным можно

⁶ Число последних на протяжении всего анализируемого периода было невелико, в несколько раз уступая количеству критиков.

⁷ В данном случае учитывался весь круг жанрово-творческих специализаций каждого автора, без временной разбивки его обращения к каждой из них. Очевидно, что к написанию мемуаров авторы-дворяне приступали много позже своего литературного дебюта. Но характерна сама частота обращения их к данному жанру, значительно более высокая, чем у литераторов – выходцев из других сословий русского общества.

считать отсутствие публицистов среди дебютантов-разночинцев, наряду с поэзией и прозой по старинке предпочитавших переводческую деятельность (23,8%). Как и в начале века, авторы-дворяне оставались основными создателями мемуарной литературы.

В 1870-е гг. проза оставалась самой востребованной специализацией у начинающих литераторов из всех сословий и социальных групп (за исключением авторов-крестьян, больше половины которых являлись поэтами). Вторую позицию занимала публицистика (только у разночинцев жанр очерка, а у крестьян – проза). На этом общее в предпочтениях авторов разных сословий заканчивалось. Третью позицию делили: у дворян – поэзия и журналистика; у разночинцев – мемуары и журналистика; у выходцев из духовной среды – литературоведение и духовные тексты; у мещан – драматургия; у крестьян – публицистика.

Возвращение поэзии на ведущие позиции среди жанровых специализаций в начале XX в. зафиксировано у начинающих авторов почти всех сословий (за исключением мещан и духовенства, которые в своем большинстве по-прежнему предпочитали прозу). В тройку наиболее востребованных направлений входит в это время и критика.

В целом, сдвиги в соотношении ведущих специализаций определялись общей социокультурной динамикой, влиявшей на предпочтения авторов из всех социальных групп. Специфика собственной социальной среды более отчетливо обнаруживалась при выборе авторами специализаций второго ряда, популярность которых могла существенно различаться у представителей разных сословий.

Не удалось обнаружить взаимосвязи между социальным происхождением авторов и средним числом творческих специализаций (поскольку большинство литераторов не ограничивалось одним направлением/жанром деятельности). Если в начале XIX в. лидерами по данному показателю были разночинцы и купцы (2,13 и 2,2 специализации на автора), то в середине века – крестьяне (2,1), во второй его половине – дворяне (2,05), а в начале XX в. – снова разночинцы (2,57). Но исследование зафиксировало постепенный рост этого показателя у всего профессионального сообщества с 1,64–1,69 в первой половине XIX в. до 1,99–2,03 в последних десятилетиях имперского периода.

Национальный состав. Информация, помещенная в словарях, позволяла фиксировать только очевидных представителей других народов, состоявших в качестве русских литераторов, а также определенную часть авторов, имевших иноэтнические корни (обрусевшие семьи). Однако последнее касалось прежде всего выходцев из Прибалтики, различных регионов Европы и Кавказа. Заметно реже можно установить наличие у автора малороссийских или белорусских предков (особенно если речь шла о родстве в третьем и более отдаленном поколениях), как и предков из народов Поволжья, Урала или Северо-Западного макрорегиона. Причем анализ фамильно-именных данных литераторов не позволял компенсировать отсутствие такой информации (даже очевидные «инородцы» в это время зачастую имели вполне русские имена и фамилии).

Таким образом, доля авторов, фиксируемых как русские, не могла не оказаться завышенной. Чтобы сократить возможную погрешность, выделена группа литераторов – уроженцев западных губерний империи, информация о которых указывала, что они могли иметь отчасти малороссийское, белорусское, польское происхождение⁸.

Но и с учетом этой поправки русские количественно доминировали в составе писательского сообщества. В конце XVIII – первой половине XIX в. их доля среди авторов-дебютантов устойчиво составляла 75–78% (табл. 3, рис. 6).

Заметно среди авторов этого времени представлены малороссы и немцы (последние в основном являлись выходцами из Прибалтики). К каждой из данных национальных

⁸ Вместе с тем, принимая во внимание собирательный характер русского дворянства, составлявшего значительную часть авторского сообщества и при этом на протяжении веков поступательно включавшего представителей всех народов российской государственности, едва ли имеет смысл излишне концентрироваться на иноэтнических компонентах. Отсутствие в биографических статьях информации о последних указывало, что их либо нет, либо речь идет об уже достаточно отдаленном прошлом, чтобы учитываться в качестве значимого фактора в становлении автора.

Таблица 3

Национальная принадлежность литераторов XIX – начала XX в. (чел.)

Период дебюта	Русские	Обрусевшие*	РЗГ**	Украинцы	Поляки	Немцы	Евреи	Остальные	Всего
1781–1800	62		4	7	2	4		5	84
1801–1810	68	2	1,5	5,5	2	4,5		2,5	86
1811–1820	112	2,5	2,5	7	6	9		5	144
1821–1830	144	2	14,5	13	2	9,5	1	7	193
1831–1840	156	9,5	9	9	6	14	2,5	11	217
1841–1850	170	6	9	7	1,5	11,5		3	208
1851–1860	150	4	10	7	4	9	2	5	191
1861–1870	193	7	14	12	6	10	4	8	254
1871–1880	153	2	6,5	12	8	11	8,5	6	207
1881–1890	149	6,5	9,5	6	2	4	18	14	209
1891–1900	162	4,5	8,5	12	10,5	9	24	15,5	246
1901–1910	164	3	12	3	5	10	27	4	228
1911–1917	68,5	7	7	9	5	9	18	3,5	127
Всего***	1751,5	56	108	109,5	60	114,5	105	89,5	2394

Примечания. *С европейскими корнями. **РЗГ – русские из западных губерний империи. ***Определить (даже в первом приближении) национальное происхождение около 20 авторов оказалось затруднительно.

групп на протяжении многих десятилетий относилось по 4–7% начинающих русских литераторов. Впрочем, с учетом группы русских авторов из западных губерний, заключавшей немалое число украинцев, удельный вес последних в писательском сообществе первой половины XIX в. мог быть выше еще на несколько пунктов. Хорошо различимы в русской литературной среде были и поляки, на которых приходилось 2–4% авторских дебютов по отдельным десятилетиям данного времени.

Представители других народов, круг которых был весьма обширен (шведы, литовцы, сербы, французы, итальянцы, англичане, греки, армяне, грузины, татары и т.д.), представлены в русской литературе отдельными авторами. Нередко при этом речь шла о биэтнофорах, только один из родителей которых относился к данной национальности. Порядка 1–4% авторов имели «европейские» корни. Наконец, как уже отмечалось, незафиксированной осталась группа литераторов с предками из состава поволжских, уральских, северо-западных и других российских народов, общие размеры которой также могли составлять несколько процентов.

Сложившаяся этнонациональная структура русского писательского сообщества оставалась устойчивой на протяжении многих десятилетий (последняя треть XVIII – первая треть XIX в.). Фактором, существенно нарушившим сложившийся баланс, стало включение в литературную деятельность евреев, единичное появление которых фиксируется со второй трети XIX в. Но по мере все более глубокой и комплексной адаптации многочисленного еврейского населения к реалиям имперской России включение его представителей в литературный процесс приобретает массовый характер. В последние десятилетия XIX в. на него приходится уже 8,5–10% начинающих авторов, а в начале XX в. – 12–14%.

Но характерно, что повышенную творческую активность в конце имперского периода демонстрируют и представители других народов (украинцы, немцы, поляки). В результате доля этнических русских среди литературных дебютантов в 1911–1917 гг. опускается до 54% – минимальный показатель за весь анализируемый период.

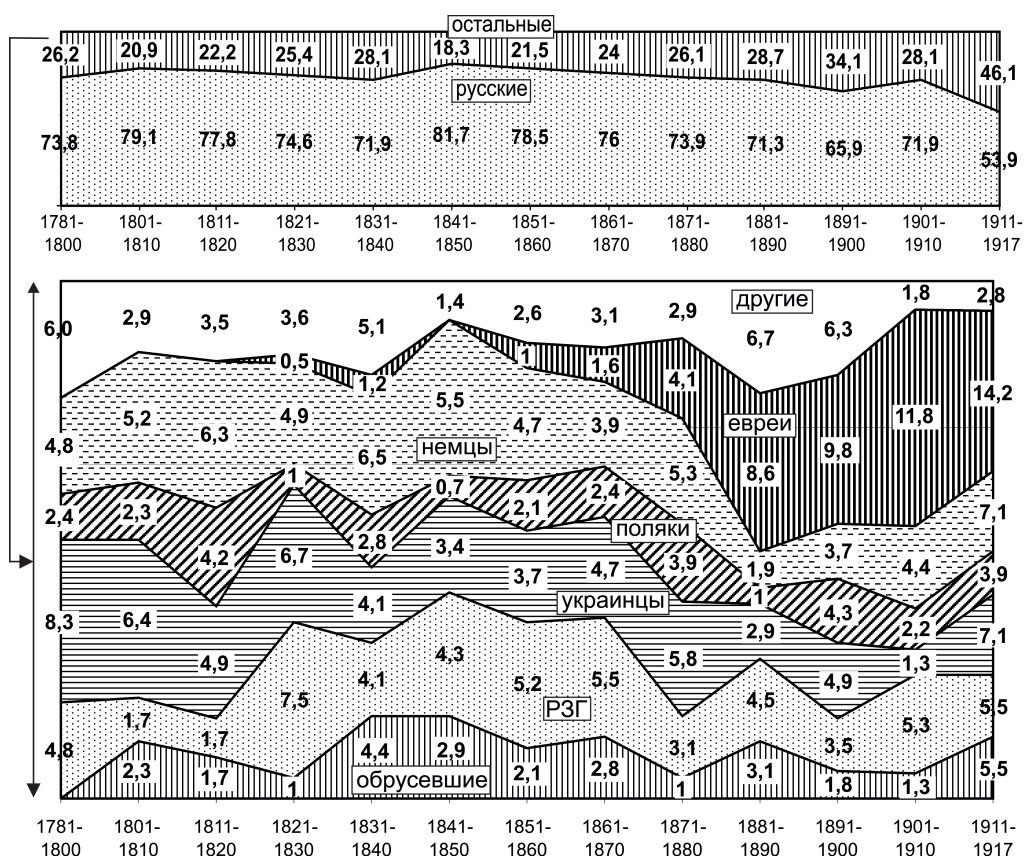

Рис. 6. Национальное происхождение авторов-дебютантов (профессиональный круг, в %)

Выводы. На протяжении рассматриваемого периода социальные и профессиональные характеристики авторов изменились существенным образом. Их число почти вдвое увеличилось в размерах, усилилось социально-сословное, социoproфессиональное, этническое разнообразие, ощутимо расширилась география, включившая не только большие, но и значительную часть средних городов империи. Вступив в XIX в. в качестве преимущественно дворянского, русского и столичного, писательский круг к концу имперского периода стал сообществом полисословным, полиэтническим и полицентричным (несмотря на все еще повышенную долю дворян, этнических русских и авторов, сосредоточенных в двух столицах).

Центральную роль в данных сдвигах сыграли социально-экономические и социокультурные реформы последней трети XIX в., постепенная демократизация общественной жизни, становление массовой начальной и средней школы. Писательское сообщество менялось вместе со страной, становясь все более динамичным, открытым и широким.

Претерпела сложную эволюцию структура творческих специализаций русских литераторов, хотя в конце его на первую позицию вернулась поэзия, с уверенной доминанты которой этот период и начинался. И главное, эти внешние изменения были сопряжены с мощным содержательным ростом русской словесности, связанным в том числе с появлением в ней представителей различных социальных слоев российского общества, разных имперских регионов и национальных культур. Как результат, вступив в XIX в. периферийной ветвью европейского литературного процесса, закончила столетие отечественная словесность в качестве одной из ведущих национальных школ мировой литературы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Берг М. Литературократия. М.: НЛО, 2000.
- Гриц Т., Тренин В., Никитин М. Словесность и коммерция. М.: Федерация, 1928.
- Гудков Л.Д., Дубин Б.В. Литература как социальный институт. М.: НЛО, 1996.
- Курбаев М.Н. История русской книги в XIX веке. Л.: Начатки знаний, 1927.
- Мир русской культуры. Энциклопедический справочник. М.: Вече, 1997.
- Муратов А.В. Книжное дело в России в XIX и XX веках. М.–Л.: Гос. соц.-эконом. изд-во, 1931.
- Рейтблат И.А. От Бовы к Бальмонту. М.: МПИ, 1992.
- Рейтблат И.А. Как Пушкин вышел в гении. М.: НЛО, 2001.
- Рубакин Н.А. Этюды о русской читающей публике. СПб.: Изд-во Попова, 1895.
- Русские писатели. 1800–1917. (1–5 тт.) М.: Большая российская энциклопедия, 1989–2007.
- Русские писатели XIX века (т. 1–2). М.: Просвещение, 1996.
- Севастьянов А.Н. Рост образованной аудитории как фактор развития книжного и журнального дела России (1762–1800 гг.). М.: МГУ, 1983.
- Севастьянов А.Н. Сословное разделение русского общества XVIII в. и литературно-общественный процесс (1762–1800) // Вестник МГУ. Сер. 8. История. 1984. № 2. С. 66–80.
- Шарль К. Расширение и кризисы литературного производства (вторая половина XIX века) // Вопросы социологии. 1993. № 1/2. С. 63–84.

Статья поступила: 14.05.19. Финальная версия: 30.09.19. Принята к публикации: 18.12.19.

RUSSIAN LITERATURE – SOCIODYNAMIC ANALYSIS OF THE WRITERS' COMMUNITY (19th – EARLY 20th CENTURY)

SUSHCHIY S.Ya.

FIC Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Russia

Sergey Ya. SUSHCHIY, Dr. Sci. (Philos.), Chief researcher, FIC Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russia (SS7707@mail.ru).

Acknowledgements. The work was performed as part of the fulfillment of the State assignment of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences for 2019, subject No. AAAA-F19-119011190184-2.

Abstract. The article investigates quantitative and spatial dynamics, social structure, creative specialization, national and gender structure of Russian writers of the 19th – early 20th century. As an empirical base of the study, biographical dictionaries for this period were used, consisting of about 2.5 thousand persons. The study showed that the Russian writers' community remained predominantly noble until the end of the imperial period. But the share of representatives of other social groups has steadily increased since the second third of the 19th century. The leading literary specializations of Russian authors were prose, poetry, translation and journalism (but the ratio of these specializations varied significantly within the analyzed period). Along with the Russians, who made up absolute majority, a number of other nationalities (Germans, Poles, Ukrainians) were represented in large groups (3–7%) in the writers' community. In the last third of the 19th century in the literary environment a group of authors of Jewish origin is rapidly growing. During the analyzed period, the writers' community has grown considerably, substantially increased its social and ethnic diversity; significantly expanded the geography of its foci. The central role in this was played by the reforms of the last third of the 19th century, democratization of public life and development of mass schooling.

Keywords: Russian literature, writers' community, social dynamics, creative specializations.

REFERENCES

- Berg M. (2000) *Literarykratiya*. Moscow: NLO. (In Russ.)
- Bourdieu P. (1993) The Market of Symbolic Products. *Voprosy sociologii* [Issues of Sociology]. No. 1/2: 49–62. (In Russ.)
- Charles K. (1993) Enlargement and Crises of Literary Production (Second Half of the Nineteenth Century). *Voprosy sociologii* [Issues of Sociology]. No. 1/2: 63–84. (In Russ.)
- Dubin B.V. (2001) *Word – Letter – Literature. Essays on Sociology of Modern Culture*. Moscow: NLO. (In Russ.)

- Gudkov L.D., Dubin B.V. (1996) *Literature as a Social Institution*. Moscow: NLO. (In Russ.)
- Mole A. (1973) *Sociodynamics of Culture*. Moscow: Progress. (In Russ.)
- Reitblat I.A. (1992) *From Bova to Balmont*. Moscow: MPI. (In Russ.)
- Russian Writers. 1800–1917*. (1989–2007) 1–5 vols. Moscow: Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya. (In Russ.)
- Russian Writers of the 19th Century*. (1996) Vol. 1–2. Moscow: Prosveshchenie. (In Russ.)
- Sevastianov A.N. (1984) Classical Division of the Russian Society of the 18th century and the Literary-social Process (1762–1800). *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8: Istoriya* [Moscow State University Bulletin. Series 18. History]. No. 2: 66–80. (In Russ.)
- The World of Russian Culture. Encyclopedia Guide*. (1997) Moscow: Veche. (In Russ.)

Received: 14.05.19. Final version: 30.09.19. Accepted: 18.12.19.